

пецкой «камеди», что мы находимъ въ ней и Ирода, повелѣвающего избить младенцевъ, и тѣнь плачущей Рахили. Чѣмъ дальше отъ западной границы, тѣмъ менѣе шансовъ было на сохраненіе этихъ подробностей: терскіе и казанскіе любители театра изъ народа усвоили себѣ только бытовыя сценки, опустивши осколки главнаго зерна пьесы.

Въ свою очередь, для объясненія формы діалога между баринномъ и слугою — бесполезны приведенныя выше польскія интермедіи, и быть можетъ со временемъ обнаружатся и промежуточныя, связующія звенья между русскимъ народнымъ діалогомъ и польской интермедіей. И тогда — и въ области исторіи театра станетъ невозможной мысль, что будто бы старину «взаимодѣйствіе между книжною и народною словесностью было весьма слабо» какъ полагалъ г. Морозовъ (Ист. р. театра, I, 24).

VI.

Для будущаго историка польскаго и польско-русскаго театра XVII вѣка, безъ сомнѣнія, будетъ полезно ознакомиться поближе съ тѣмъ матеріаломъ, который заключается въ сборникѣ разныхъ пьесъ на латинскомъ и польскомъ яз., хранящемся въ Импер. Публ. Библіотекѣ подъ шифромъ *Разнояз. Q. XIV, № 10*, Вѣроятно, позднѣйшія статьи внесены въ этотъ сборникъ не позже 1698 г.

Содержаніе сборника таково¹⁾: «*Filius prodigus*», драма представленная въ коллегіи оо. іезуитовъ, въ Ольмюцѣ 1661 г. — программа и одна сцена (л. 110 об.—111 об.).

«*Progymnasma*» — краткая драма предъ началомъ ученія, на латинскомъ яз. (л. 159 — 164). На л. 163 отецъ ведетъ сына

1) Отмѣчаю лишь важное для исторіи театра.